

УДК 327-329

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОЙНА В XXI ВЕКЕ

© 2013 г. **В.И. Батюк***

Институт США и Канады РАН, Москва

Современная система международных отношений исключает саму возможность развязывания мировой тотальной войны, однако человечество сталкивается с серией малых войн, и прежде всего с негосударственными участниками. Будущее – за организациями безопасности нового типа, создаваемыми не для противостояния агрессивным великим державам, а для противодействия негосударственным структурам (вроде террористических группировок и международных наркокартелей) и решения глобальных проблем современности.

Ключевые слова: *система международных отношений, Большая война, локальная война, сетевая структура.*

На протяжении всей истории человечества прослеживалась тесная взаимосвязь между существующей в данный момент системой международных отношений (СМО) и соответствующим ей характером войны. Как отметил в своей статье в «Отечественных записках» видный российский эксперт Д. Тренин, «каждая эпоха в военной истории человечества имеет свою технологическую и политическую специфику. Войны XX века были вооружёнными конфликтами глобальных масштабов. В них участвовали практически все крупные индустриальные державы... XX столетие открылось войной между “столпами” тогдашнего мирового порядка, а завершилось серией этнических конфликтов, вспыхнувших в результате распада СССР и Югославии. Начало “военно-политического” XXI века ознаменовалось террористической атакой на США 11 сентября 2001 года» [13].

Действительно, XX век познакомил человечество с феноменом **мировой тотальной войны**, но далеко не всегда конфликты приобретали глобальный размах и требовали полной мобилизации всех сил нации. До двадцатого столетия войны были ограничены во времени, пространстве и, главное, в своих целях. Их характер во многом определялся доминировавшей в данную историческую эпоху **системой международных отношений**.

* БАТЮК Владимир Игоревич – доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований ИСКРАН. E-mail: ctas@ibox.ru

Система международных отношений и война

Практически все теоретики-международники сходятся во мнении, что в любой системе международных отношений определяющую роль играют великие державы и взаимоотношения между ними. Именно великие державы вырабатывают действующие в каждый конкретный момент правила международного поведения и следят за их соблюдением. По определению американского историка международных отношений Дж. Леви, «в любой анархической системе международных отношений существует иерархия действующих лиц, складывающаяся на основе мощи... Наиболее могущественные государства – великие державы – определяют структуру, важнейшие процессы и общую эволюцию системы... Великие державы, в основном, неуязвимы к военным угрозам со стороны “не великих”, и должны бояться только других стран одного с ними статуса. Кроме того, великие державы могут проецировать свою военную мощь за пределы своих границ и проводить как наступательные, так и оборонительные военные операции» [21, р. 8, 16].

В свою очередь, по мнению авторитетного российского исследователя А.Д. Богатурова система межгосударственных отношений регулируется совокупностью принципов внешнеполитического поведения; согласованных на их основе конкретных установлений; набора санкций за их нарушение, признаваемых моральными и допустимыми; потенциала уполномоченных стран или институтов такие санкции осуществить*; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [1].

Наряду с военной мощью великие державы обладают определёнными международно-правовыми привилегиями, которые дают им возможность оказывать весомое воздействие на ход и конечный результат дипломатического торга как способа избежать конфликта. Все аналитики признают стабилизирующий, благотворный для международного сообщества характер этого обстоятельства и расходятся только в определении того момента, когда именно дипломатические привилегии великих держав и, следовательно, система международных отношений, основанная на их гегемонии, начали кодифицироваться.

Большинство историков и теоретиков считают, что первая попытка долгосрочной и подлинной кодификации СМО на основе базовой договорённости между великими державами произошла в ходе Венского конгресса 1814–1815 гг. (хотя отдельные элементы такой системы начали появляться задолго до 1815 г.). При всех своих недостатках и половинчатости достигнутых результатов Венский конгресс инициировал возникновение первой в истории устойчивой системы международных отношений (получившей название «европейского концерта»), которая позволила положить конец бесконечному разорению Европы в результате непрерывных войн между великими державами. Именно «европейский концерт», оставаясь формой гегемонии Великобритании, Фран-

* Еще Клаузевиц писал, что «войны не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [5].

ции, Австрии (Австро-Венгрии), Пруссии (Германии), впервые эффективно ограничил свободу действий государств (в том числе и великих держав) на международной арене.

Войны в этот период мировой истории стали, во-первых, гораздо более редкими, чем до возникновения «европейского концерта» (так, между 1815 и 1854 гг. и между 1870 и 1914 гг. в Европе не было **ни одной войны** между великими державами), а, во-вторых, были, как правило, ограничены во времени, пространстве и по своим политическим целям.

Хотя аннексии и контрибуции по-прежнему считались формами международной практики, правители великих держав уже не рассматривали расчленение и ликвидацию одной из стран, принадлежащих к «клубу избранных», в качестве реальной цели. Например, поражение России в Крымской войне, Австрии – в войне 1866 г., Франции – в франко-прусской войне не привели к исчезновению этих государств с политической карты мира или даже к их исключению из клуба великих держав.

Однако к концу XIX века «европейский концерт» оказался в состоянии глубокого системного кризиса, причины которого заключались в следующих факторах.

Во-первых, с политической арены ушли руководители, воспитанные в традициях «Священного союза» и монархо-аристократической солидарности, такие как Бисмарк, Горчаков, Александр II, Вильгельм I, Наполеон III. Им на смену пришло новое поколение деятелей, у которых не было прежнего ощущения европейского единства. Для них, а это – Солсбери, Пуанкаре, Николай II, Сазонов, Вильгельм II, Гольштейн и др. – приоритетными были лишь национальные интересы, понимаемые весьма узкоэгоистически.

Во-вторых, прогресс военной техники явно опережал сознание военно-политического руководства великих европейских держав. Лидеры последних были твёрдо убеждены, что большая европейская война будет вполне приемлемой с точки зрения её последствий и, кроме того, в любом случае, сравнительно скоротечной и относительно безболезненной для их государств. Накануне августа 1914 г. в европейских столицах думали о Седане и Садовой, т.е. мыслили категориями «маленькой победоносной войны».

В-третьих, ослабление идеологического единства «европейского концерта» не было компенсировано соответствующими усилиями в международно-правовой и организационной сферах. Отсутствовали серьёзные разоруженческие договорённости; совершенно не было эффективных организаций международной безопасности. **Неструктурированность** «европейского концерта» лишала его возможности управлять международной обстановкой на рубеже веков. В этих условиях был нарушен механизм его кризисного регулирования. Европа фактически распалась на два военных блока (Антанта – Центральные державы), противостоящие друг другу. При этом **уровень сплочённости** этих альянсов был неизмеримо выше, чем в предшествующие эпохи.

В-четвёртых, гонка морских и сухопутных вооружений, ускоренные темпы разработки военной техники и технологии вносили дополнительную напряжённость в международную обстановку. Великие европейские державы с

крайней подозрительностью следили за военными приготовлениями друг друга, рассматривая свои мероприятия как исключительно миролюбивые, ответные меры, а аналогичные шаги другой стороны – как явное доказательство агрессивности. Даже незначительное отставание в этой области (например, в темпах мобилизации) было в тех условиях смертельно опасно. И малейшее изменение в соотношении сил также было чревато самыми серьёзными военно-политическими последствиями.

В-пятых, существенным фактором нестабильности оставалось то, что великие европейские державы, как ни в чём не бывало, продолжали игнорировать в своих политических расчётах **неевропейский** мир, как будто ни США, ни Японии и вовсе не существовало.

Результатом эрозии «европейского концерта», с присущей ему полицентричной структурой формирования в Европе двух крупнейших военно-политических группировок, стала первая в истории человечества **мировая война**, которую, с одной стороны, не удалось «локализовать», а с другой, она стала первой **тотальной войной**, потребовавшей мобилизации всех сил участвовавших в ней государств, включая и всеобщую мобилизацию, и использование всего экономического потенциала для достижения победы.

В ходе Первой мировой войны – впервые со времён наполеоновских походов – враждебные коалиции начали строить далекоидущие планы, предусматривавшие уничтожение своих соперников как великих держав. А там, где серьёзные цели – там и серьёзные средства. Десятки миллионов человек были поставлены под ружьё, экономика переведена на военные рельсы, вся жизнь воюющих стран подчинена одной цели – победе. Впервые после войн французской революции значительную роль в вооружённой борьбе начал играть **идеологический фактор**. Так, например, Антанта провозгласила своей целью защиту «цивилизации» от «**прусского милитаризма**»; в свою очередь Германия объявила о борьбе за «**культуру**». Однако в обоих случаях наличие идеологического фактора вело к повышению ожесточённости противостояния; сторонам было трудно согласиться на что-либо меньшее, чем полная победа.

Версальско-вашингтонская система, пришедшая на смену «европейскому концерту», не смогла установить стабильный полицентрический международный порядок, результатом чего стала **Вторая мировая война**, которая приобрела ещё более ярко выраженный тотальный характер. Мир снова был расколот на две враждебные коалиции – Антигитлеровскую и «ось» Берлин – Рим – Токио. Тотальная война могла завершиться только тотальной победой – безоговорочной капитуляцией побеждённых Германии и Японии.

Важнейшими итогами Второй мировой войны стали формирование **биполярной системы международных отношений**, возглавляемой Соединёнными Штатами и Советским Союзом, и появление «абсолютного», т. е. ядерного, оружия. Биполярная система международных отношений породила новую тотальную войну – на этот раз «холодную», поскольку «абсолютный» характер ядерного оружия исключал саму возможность развязать войну «горячую», т. е. третью мировую.

Полицентричный мир

На рубеже 1980–1990-х годов, когда биполярная система вместе с «холодной войной» подошли к своему логическому завершению, всем казалось самоочевидным, что важнейшей характерной чертой новой системы международных отношений будет безоговорочное доминирование Соединённых Штатов и их ближайших союзников, т.е. Запада, иными словами, **постбиполярный мир** будет **однополярным** и никаким другим.

В настоящее время, однако, подавляющее большинство как отечественных, так и зарубежных экспертов-международников указывают на глубокий кризис, в котором пребывает однополярная модель международных отношений, и на постепенное формирование новой полицентричности.

С одной стороны, многие аналитики подчёркивают **неприемлемость однополярной системы управления международными процессами для многих влиятельных субъектов мировой политики.** Так, по мнению одного из наиболее авторитетных российских теоретиков-международников М.А. Хрусталёва, «видимо, нет необходимости доказывать, что американская мировая гегемония – явление сугубо авторитарное, хотя и маскируемое ссылками на общечеловеческие ценности (включая, естественно, демократию). Эта авторитарная тенденция, предполагающая утверждение США в качестве центра управления системы международных отношений, неизбежно ведёт к отрицанию самой идеи регулирования, а следовательно, и всего того, что было сделано в этом плане ранее. Курс на установление американской мировой гегемонии («новый мировой порядок») встречает как пассивное, так и активное сопротивление других субъектов международных отношений. Оно всё чаще побуждает правящие круги США прибегать к вооружённому насилию, игнорируя нормы международного права и действуя в обход ООН» [12].

Это активное и пассивное сопротивление неслучайно; жёсткая иерархия однополярного мира приводит к парадоксальной ситуации, при которой малые государства из числа официальных союзников США играют куда большую роль в системе международных отношений, чем такие мощные державы, как Индия, Китай или Россия, поскольку у них отсутствуют институционализированные военно-политические связи с Соединёнными Штатами.

В результате, как указывает российский исследователь Ф.Г. Войтоловский, «элиты крупных государств... не согласны с осуществлением Соединёнными Штатами глобальной гегемонии, не готовы принять методы её распространения, даже если те будут существенно скорректированы... Правящие круги США в перспективе ближайших десятилетий не смогут принять их в состав транснациональной экономической и политической элиты в качестве равных партнёров, предлагая в лучшем случае второстепенные роли» [3].

Как уже было сказано, рождение новой СМО не было зафиксировано каким-то авторитетным международным форумом, который определил бы права и обязанности победителей и побеждённых в «холодной войне». Единственная сверхдержава – Соединённые Штаты Америки – хотели сохранить свободу

рук на международной арене по отношению как к бывшим противникам в этом противостоянии, так и к союзникам.

Трудно, однако, представить, чтобы Россия смирилась с тем, что у Эстонии, например, более весомый, чем у неё, голос в решении проблем европейской безопасности (соответственно, вряд ли можно ожидать, что КНР согласится на второстепенное положение при решении проблем безопасности АТР по сравнению с такими американскими союзниками, как Южная Корея или Австралия).

С другой стороны, многие специалисты в области международных отношений указывают на **постепенную утрату Соединёнными Штатами безоговорочного экономического лидерства в мире**, что не может не иметь серьёзных военно-политических последствий.

Так, по мнению директора Института США и Канады РАН С.М. Рогова, «в начале нынешнего десятилетия усилилась тенденция к полицентризму. Опережающими темпами развивались Китай, Индия, Бразилия. Вышла из кризиса Россия. В то же время по ряду вопросов возникли расхождения между США и другими развитыми странами Запада» [9].

Согласно докладу Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции-2030», опубликованному в декабре 2012 г., задолго до 2030 г. КНР обойдёт Соединённые Штаты по размерам ВВП, став крупнейшей экономикой в мире, а Азия превзойдёт Европу и Северную Америку, вместе взятых, по размерам ВВП, численности населения, военным расходам и инвестициям в технологии [19, p. iv].

Итак, XXI век не стал новым «американским веком». Человечество вернулось к привычной для него ситуации полицентричности. Каковы же характерные черты новой системы международных отношений? В чём она похожа, а чем – отличается от своих предшественниц, «европейского концерта», версальско-вашингтонской системы и биполярной системы?

Та система международных отношений, которая пришла на смену биполярному миру, весьма напоминает классический «европейский концерт», существовавший вплоть до начала первой мировой войны. «Европейский концерт» также отличался полицентричностью и существовал в условиях бурного роста мирохозяйственных связей. Так, с начала XIX века до 1914 г. объём мировой торговли вырос почти в 100 раз; ещё более высокими темпами рос экспорт капитала.

Всякое сравнение, как известно, несовершенно, и современная СМО (некоторые исследователи употребляют термин **«мировой концерт»**; мы считаем этот термин весьма удачным), разумеется, серьёзно отличается от «европейского концерта».

Основное отличие заключается в том, что тотальная мировая война – война между великими военными державами – более невозможна.

После окончания Второй мировой войны человечество живёт в условиях беспрецедентно длительного, продолжающегося 68 лет, периода отсутствия войн между великими державами. Предшествовавшие рекорды продолжительности межвоенных периодов – между наполеоновскими войнами и Крым-

ской войной (1815–1854 гг.) и между Франко-Прусской и Первой мировой войнами (1871–1914 гг.) – в настоящее время далеко перекрыты. Уже выросло несколько поколений, знакомых с кошмаром великодержавных войн лишь по книгам, фильмам и рассказам старших.

Даже самые мрачные пессимисты не рискнут сейчас утверждать, будто миру угрожает новая Большая война. Безусловно, беспрецедентный мирный период, наступивший после 1945 г., стал настоящим благословением для человеческой цивилизации: без этой сверхдлинной мирной передышки человечество вряд ли сумело бы достичь тех высот в развитии экономики, технологии и культуры, которых оно добилось за последние 68 лет.

В чём же причина такой небывалой робости великих держав, отказывающихся вести войны за гегемонию? Видимо, можно согласиться с теми учёными и специалистами, которые указывают на сохранение значения ядерного фактора **и после окончания «холодной войны».**

«Как никогда прежде, ядерное сдерживание выглядит сейчас фактором, который останется скорее всего навечно в международной политике..., причём не просто из-за всех колоссальных трудностей достижения полного ядерного разоружения, а ввиду предположительно присущих ядерному оружию значительных достоинств в качестве средства обеспечения безопасности и «цивилизующего» воздействия на международные отношения, побуждающего к сдержанности в применении силы», – отмечают в этой связи крупнейшие российские специалисты по вопросам ядерного разоружения А.Г. Арбатов и В.З. Дворкин [18, с. 31].

Наряду с «ядерным фактором», экономические и технологические сдвиги подтолкнули великие державы к отказу от войны как от способа решения своих разногласий. Такие общие для всех индустриально развитых стран тенденции экономического развития, как увеличение доли нематериального производства в ВВП, автоматизация и производство искусственных материалов, объективно снижают их зависимость от сырьевых запасов и ресурсов дешёвой рабочей силы развивающихся стран. Вот почему промышленно развитые страны используют как никогда жёсткие ограничения на приток иммигрантов из «третьего мира», и вот почему цены на сырьё (за исключением нефти и газа) остаются на уровне начала 1950-х годов: все эти запасы и ресурсы, бывшие некогда причиной ожесточённой борьбы между великими державами, сейчас им не так остро нужны.

По мнению российского экономиста Ю. Шишкова, «Вторая мировая война во многом стала переломным рубежом в истории человечества. Она со всей очевидностью показала полную несостоятельность силового способа решения геэкономических и геополитических споров... Мирное разрешение любых крупных... проблем стало безальтернативным» [16].

Таким образом, Большая война становится в XXI веке настолько маловероятной, что такой возможностью можно смело пренебречь. В то же время следует помнить, что есть и обратная сторона медали: ведь авторитет великих держав, их роль в международных отношениях определяются именно победой в **последней** войне за великодержавную гегемонию – а она, эта последняя

Большая война, закончилась 68 лет тому назад, и подавляющее большинство из ныне живущих на Земле людей родилось уже после её окончания. Отсюда – неизбежное **падение авторитета великих держав в современном мире**. Ситуация, когда возглавляемый «единственной супердержавой» мощнейший в мире военный союз (НАТО) в течение многих лет не может одержать решительную победу над афганскими талибами, была бы немислимой в предшествующие исторические эпохи, но это – реалии нашего времени. И это обстоятельство представляет собой важнейшее внутреннее противоречие новой СМО, т.е. «мирового концерта».

В настоящее время сложился своего рода баланс сил между США, с одной стороны, и остальными центрами силы (Евросоюз, Китай, Россия, Индия, Япония, Бразилия и др.) – с другой. Соединённые Штаты не в состоянии навязать другим активным субъектам СМО свою волю по тем вопросам, которые они считают важными с точки зрения безопасности и экономических интересов; в то же время ни одна из современных великих держав (даже Китай) не будут в состоянии ни в какой обозримой перспективе претендовать на статус **лидера современной системы международных отношений** – это место по праву принадлежит Соединённым Штатам.

Именно эта страна располагает не только существенным превосходством над всеми в сфере обычных вооружений, но и – что ещё более существенно – является единственным в мире государством, способным проецировать своё военное превосходство в любую точку земного шара. Кроме того, Соединённые Штаты Америки, как уже было сказано, сохраняют свои позиции крупнейшей национальной экономики, технологического лидера, а также огромный потенциал в сфере «мягкой силы» (*soft power*), т.е. особого ресурса международных отношений, который обеспечивает достижение поставленных целей без непосредственного использования военных или экономических способов принуждения. Трудно в этой связи не согласиться с гуру американских неоконсерваторов Р. Кейганом, полагающим, что «до тех пор, пока Соединённые Штаты остаются у руля международной экономики, доминируют в военной сфере и считаются главным апостолом самой популярной политической философии; до тех пор, пока американская общественность продолжает выступать за господствующее положение Америки, каковым оно неизменно оставалось в течение шести десятилетий; наконец, до тех пор, пока потенциальные соперники США внушают больше страха, нежели симпатии своим соседям, сложившаяся международная система будет стоять. В мире по-прежнему будет сохраняться одна сверхдержава при наличии нескольких великих держав» [4].

Видимо, пока сохраняется сложившееся между США и другими ведущими державами соотношение сил, нынешняя СМО может рассматриваться как устойчивая. Ситуация, однако, может измениться, если Китай (или другой центр силы) заявит свои права на статус супердержавы, который в настоящее время принадлежит Соединённым Штатам [25].

Современные вызовы системе международных отношений

Невозможность Большой войны не означает, к сожалению, что мы живём в бесконфликтном мире. В этой связи следует отметить, что на протяжении последнего десятилетия **насилие в мире всё больше перемещалось на догосударственный уровень**, на уровень племенных ополчений и террористических группировок. Сегодня главный вызов международной стабильности и безопасности исходит не от межгосударственных, а от внутригосударственных конфликтов. Ведь именно на внутригосударственные вооружённые конфликты приходится сейчас преобладающее число жертв, и именно эти конфликты дестабилизируют обстановку во многих регионах планеты.

В самом деле, по данным Департамента исследований проблем мира и разрешения конфликтов университета Уппсалы (Швеция), в 2011 г. в мире насчитывалось 27 внутригосударственных конфликтов, и только один межгосударственный [24]. И вообще, самые ожесточённые и кровопролитные вооружённые конфликты последнего десятилетия, в которых погибли миллионы человек (Руанда, Балканы, Афганистан, Таджикистан, Судан, Сомали и др.), имели исключительно внутренние (этнические и конфессиональные) причины.

Нужно сказать, что международное сообщество оказалось совершенно не готово к такому повороту событий. Структура современной СМО, нормы международного права, усилия международных организаций – всё это направлено на предотвращение именно **межгосударственных** конфликтов, и прежде всего конфликтов между великими державами.

Следует признать, что при решении этой задачи человечество за последние годы сумело добиться больших успехов. Удалось повернуть вспять гонку вооружений (как обычных, так и ядерных); окончание «холодной войны» привело к заметному оздоровлению международной обстановки и, в том числе, к прекращению ряда локальных конфликтов. Однако представление о грядущей бесконфликтности оказалось глубоким заблуждением: война не исчезла из международных отношений, но сейчас человечество сталкивается не с угрозой новой тотальной мировой (т.е. Большой) войны, а с целой серией малых войн, и прежде всего с негосударственными участниками.

Локальные войны были всегда: они, разумеется, не стали изобретением XXI века. Но если вплоть до окончания XX века локальные войны существовали «в тени» Большой войны, то теперь именно локальные войны – это «продолжение государственной политики иными средствами» [5], и поражение в локальной войне может иметь столь же далеко идущие политические последствия, что и поражение в войне мировой. Достаточно вспомнить результаты вьетнамского фиаско – для США и поражения в Афганистане – для СССР.

После окончания «холодной войны» тенденции к усилению политических последствий локальных конфликтов получили дальнейшее развитие. Особенно тревожным представляется в этой связи наличие так называемых ***failed states***, «несостоявшихся государств». Ведь именно *failed states* становятся, как

известно, рассадниками международного терроризма и наркомафии, дестабилизируя тем самым международную обстановку.

В прежние исторические эпохи внутреннее ослабление любого государства вело к тому, что над его территорией и населением рано или поздно устанавливался контроль со стороны более сильных государств (неважно, был ли это «старый добрый» неокOLONиализм XIX века, или продиктованная идеологией экспансия века XX). Однако, после окончания «холодной войны» великие державы ушли из тех регионов, где они совсем недавно вели борьбу не на жизнь, а на смерть, бросив своих прежних союзников на произвол судьбы. Далеко не везде последние сумели взять ситуацию под контроль, и трагическая судьба таких стран, как Руанда, Сомали, Судан, Афганистан и многие другие, стоит у всех перед глазами.

Очевидно, что существующие организации безопасности – будь то глобальные (ООН) или региональные (НАТО, ОАГ и др.) – не соответствуют новым реалиям. Главная задача, которая стояла перед этими структурами – это борьба с агрессивными **государствами**, в то время как классические **межгосударственные конфликты** в настоящее время, как уже было сказано, уходят в прошлое.

По всей видимости, будущее за организациями безопасности нового типа, создаваемыми не для противостояния агрессивным великим державам, а для противодействия **негосударственным акторам** (вроде террористических группировок и международных наркокартелей) и решения глобальных проблем современности. Хороший пример – Шанхайская организация сотрудничества, которая, в соответствии с Хартией ШОС 2002 г., призвана противодействовать «трём злам»: терроризму, сепаратизму и экстремизму (статья 1); при этом ШОС не направлена против других государств и международных организаций (статья 2) [14].

Во всяком случае, те военно-политические блоки, которые сколачивались для ведения Большой войны, в новых исторических условиях становятся анахронизмом. Очевидно также, что в условиях, когда доминирующим военным конфликтом становится именно локальная война, вооружённые силы ведущих военных держав вынуждены адаптироваться к этой новой реальности, радикальным образом меняя не только стратегию и тактику, но и системы вооружения, боевого управления и т.д.

Локальная война вместо войны тотальной

В полной мере эти перемены затронули сильнейшие вооружённые силы в мире – американские. Как указывалось в коллективной монографии, изданной корпорацией РЭНД, «после того как Москва вышла из противостояния сверхдержав с Соединёнными Штатами, изменились и требования, которыми руководствовались оборонное планирование в США, а именно, одержать одновременную победу в двух крупных войнах на разных театрах военных действий... Изменилась и сама среда международной безопасности. Постоянная, но пред-

сказуемая угроза периода «холодной войны» сменилась целым комплексом иных угроз и задач:

- терроризм;
- распространение оружия массового уничтожения;
- международные кризисы;
- введение в действие экономических и военных санкций;
- незаконный оборот наркотиков;
- миротворчество [22, р. 4-5].

Представление о том, что Большой войны не будет и нужно готовиться к войне малой, пронизывало всю деятельность Д. Рамсфелда (министра обороны США в администрации Дж. Буша-мл.) на протяжении всего его пребывания на этом посту в 2001–2006 г. «Думаю, что усилия в области трансформации этого учреждения (т.е. Министерства обороны США. – В.Б.) и адаптации его к XX веку – это процесс, который начался до моего прихода и продолжится после того, как я уйду, но, по моему мнению, мы придали ему значительный импульс, – заявил Д. Рамсфелд в интервью «Фокс телевижн». – Это учреждение в своей основе было создано для того, чтобы воевать с большими армиями, большими флотами и большими военно-воздушными силами, но это – не то, что мы делаем сегодня. И это не то, что мы будем делать в ближайшее время. Мы просто должны быть готовы вести иррегулярную войну и противостоять асимметричным вызовам, а в этом наши враги имеют большие преимущества» [20].

И это не просто слова. Готовность вооружённых сил США встретить новые вызовы, по мнению американского военно-политического руководства, зависит от того, смогут ли американские военные не только применять новейшие информационные технологии в рамках так называемой революции в военном деле» [10], но и овладеть «культурой трансформации», отказавшись от устаревших оперативных, тактических и стратегических подходов.

Важнейшим составным компонентом трансформации стала концепция «сетевой войны» (*Network-Centric Warfare*), которая начала разрабатываться ещё в 1990-х годах, но была взята на вооружение лишь в то время, когда МО возглавлял Д. Рамсфелд. Суть концепции состоит в следующем: основная угроза безопасности США исходит не от регулярных армий, а от негосударственных врагов Америки, таких, как террористические и криминальные группировки, участники которых объединены не в иерархические, а в сетевые структуры. В таких структурах отсутствуют выраженные руководящие центры и преобладают не вертикальные, а горизонтальные связи. Вооружённые силы Соединённых Штатов должны быть готовы взять верх в борьбе с этим новым врагом, осуществив переход из индустриального в информационный век [7].

Как указывается в докладе «Ведение сетевой войны», подготовленном Управлением трансформации Министерства обороны США, внедрение сетевых структур и организационных принципов в американские вооружённые силы позволит обеспечить американское военное превосходство за счёт:

- улучшения информационного обмена между подразделениями, экипажами и даже отдельными военнослужащими;

– повышения на этой основе качества информированности о ситуационной обстановке;

– лучшей синхронизации, более тесного сотрудничества и, как следствие, повышения устойчивости в бою и скорости прохождения команд [23, р. 7].

Следует отметить в этой связи, что американский пример военной трансформации оказался весьма заразительным – и для американских союзников по Североатлантическому альянсу, и для России. Та радикальная военная реформа, которая проводится в Российской Федерации в последние годы, была бы невозможной, если бы Москва по-прежнему готовилась к Большой войне с США и их союзниками на бескрайних просторах Евразии.

В соответствии с планами российского военно-политического руководства, до 2016 г. предполагается существенно сократить российские вооружённые силы, оставив в них только части постоянной готовности. Таким образом, кадрированные части, которые пополняются личным составом после всеобщей мобилизации, будут сокращены. Это значит, что нынешний российский план войны не предусматривает проведение в стране всеобщей мобилизации, без чего вряд ли можно рассчитывать на победу над НАТО в конвенциональной войне.

Многие российские и зарубежные военные эксперты справедливо указывают на то, что без изменения подходов Москвы к взаимоотношениям с Западом нынешняя российская военная реформа была бы невозможной. По мнению главного редактора журнала «Национальная оборона» И. Коротченко, «политическое руководство России отказалось от глобальных амбиций, которые были у Советского Союза. Соответственно, отказ от глобальных амбиций предусматривает отказ от конфронтационной модели поведения, прежде всего, с западными государствами. И это армия, предназначенная для парирования локальных военных угроз и вызовов. Естественно, всё это делается под ядерным зонтиком, и не случайно, что в новой российской доктрине... мы заявили о том, что Россия готова к превентивному применению ядерного оружия как по периметру своих границ, так и на межконтинентальных дальностях, для того чтобы исключить фактор прямой военной угрозы со стороны более сильных в военном отношении государств, фактор прямой военной агрессии» [6].

Трудно не согласиться в этой связи с теми критиками российской военной реформы, которые указывают на то, что последняя совершенно исключает какую бы то ни было возможность неядерного сдерживания, например НАТО на Западе или Китая на Востоке. Как полагает заместитель директора Института политического и военного анализа А. Храмчихин, говорить о том, что Сухопутные войска РФ способны противостоять Североатлантическому альянсу, «может только человек, не имеющий вообще никакого представления о современных вооружённых силах». Что касается военно-стратегической обстановки на Дальнем Востоке, то всю российскую военную группировку в регионе «НОАК просто раздавит... силами лишь двух своих приграничных округов». В этой связи Храмчихин предлагает реформу свернуть, а вместо этого «попытаться всё-таки создать такие Сухопутные войска, которые позволили бы не сразу ставить страну и мир на грань ядерной катастрофы».

рофы в случае обострения международной ситуации. Совершенно очевидно, что они в любом случае не могут быть равны ни силам НАТО, ни НОАК даже по отдельности, у нас нет на это ресурсов. Но они должны быть такими, чтобы создать и западным, и восточным “потенциальным супостатам” очень серьёзные проблемы в случае обычной войны. Особенно с учётом того, что обороняться всегда легче, чем наступать» [15].

Такого рода подходы, вероятно, имели бы основание в том случае, если бы США и/или Китай готовились к войне с Россией. Однако никаких свидетельств такой подготовки не существует. Это обстоятельство, по нашему мнению, содействует трансформации российского военного истеблишмента, его адаптации к новым реалиям.

И дело даже не только в сегодняшних военных доктринах той или иной великой державы, а в тех переменах в мире, которые вынуждают и Америку, и Россию, и Китай, и других международных акторов адаптироваться к этим переменам. Как отметил в своей статье в «Красной звезде» командующий воздушно-десантными войсками генерал А. Шаманов, «радикально изменившиеся со времен Второй мировой войны формы и методы вооружённой борьбы позволяют без ущерба для обороноспособности государства отказаться от армады кадрированных частей и соединений. Назовём вещи своими именами: эти предназначенные для приёма мобресурса и развертывания в угрожаемый период полки и дивизии давно стали затратным анахронизмом. Потому что с появлением ядерного оружия войны, во время которых в позиционном противостоянии сходятся многомиллионные армии сверхдержав, безвозвратно канули в Лету! И при этом из-за нагрузки на военный бюджет, создаваемой содержанием бесполезных частей и соединений кадра, мы не можем решить целый ряд жизненно важных для Вооруженных Сил вопросов. Если говорить о силах общего назначения, под которыми понимаются воюющие на земле Сухопутные войска, ВДВ и морская пехота, то нам необходимо создать ядро относительно компактной, численностью не более 200 тысяч, но обладающей высочайшим боевым потенциалом группировки быстрого реагирования.. Иными словами, заточить армейскую структуру не под войну середины прошлого века, а под реальную, сегодняшнюю войну. Такую, например, как мы провели в августе с Грузией, или такую, какую Соединённые Штаты вели в Афганистане или Ираке» [8].

Руководители российских вооружённых сил справедливо обращают в этой связи внимание на то обстоятельство, что армия должна готовиться к БУДУЩЕЙ, а не к ПРОШЕДШЕЙ войне. Как отметил в своём интервью «Российской газете» в марте 2010 г. тогдашний начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Н. Макаров, «раньше мы воевали многомиллионными группировками войск, основу которых составляли фронты. Опыт военных конфликтов последнего десятилетия показал, что такая война возможна, но маловероятна. В перспективе войска перейдут к активным манёвренным действиям. На смену фронтальным сражениям придут действия межвидовых группировок на всю глубину построения противника. Стороны будут стремиться к поражению критически важных объектов, а также к ведению бес-

контактных боевых действий... Раньше командиры такой возможности были лишены. Всё построение армии было рассчитано на ведение крупномасштабных войн. Но как только началась борьба с терроризмом, мы были вынуждены наспех создавать органы управления и войсковые структуры – как правило, неслаженные» [11].

Вместо заключения. Вооруженные силы для локальной войны

Очевидно, что современная локальная война предъявляет свои, и достаточно жёсткие, требования к вооруженным силам, уровню их боевой подготовки, оснащения, боевого управления. Вот что говорится о характерных чертах современного вооруженного конфликта в Военной доктрине РФ:

- а) комплексное применение военной силы и сил и средств невоенного характера;
- б) массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием;
- в) расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве;
- г) усиление роли информационного противоборства;
- д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;
- е) повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;
- ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий [2].

Все эти особенности современной локальной войны требуют высочайшего профессионализма личного состава и командования вооружёнными силами, широкого внедрения в войска новейших систем вооружений и боевого управления. Победить в локальной войне, «забросав врага трупам» и «утопив его в собственной крови» – не получится. Отсюда – постепенный переход в ведущих армиях мира от всеобщей воинской повинности – к добровольному комплектованию. Армия, таким образом, перестаёт быть «школой нации», а подготовка к будущей тотальной войне перестаёт быть главным смыслом существования государства.

В результате снижается роль вооружённых сил и военно-промышленного комплекса во внутренней политике практически всех государств (и даже Северной Кореи!). Об этом свидетельствует сокращение оборонных расходов в ведущих государствах после окончания «холодной войны». Если в 1990 г., по официальным данным, СССР тратил на оборону 8,65% ВВП, а Соединённые

Штаты – 5,8%, то в настоящее время Россия расходует на оборону 3% своего ВВП, а США – 4% [17].

Очевидно, что далеко не все государства смогут адаптировать свои вооружённые силы к новым реалиям: у них просто не хватит для этого финансовых и технологических ресурсов. В мировой политике, таким образом, появится новая разграничительная линия между государствами (наряду с имеющимся разделением на ядерные и неядерные) – на те страны, которые способны вести современную локальную войну, и страны, неспособные к этому.

Список литературы

1. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997. С. 40.
2. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 5 февраля 2010 г. (www.rg.ru/2010/02/10/doctrina-doc.html).
3. *Войтоловский Ф. Г.* Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. Январь–апрель 2009. Т. 7. № 1 (19). С. 12.
4. *Кейган Р.* Парадигма 12 сентября // Россия в глобальной политике. Ноябрь–декабрь 2008. № 6 (<http://www.globalaffairs/numbers/35/10836.html>).
5. *Клаузевиц К. фон.* О войне. М.: Наука, 1994. С. 55–56.
6. *Коротченко И.* «Каковы итоги военной реформы 2009 года?». Прямой эфир КМ ТВ 12 января 2010 г. (http://tv.km.ru/igor_korotchenko_kakovy_itogi_vo/textversion).
7. *Корсаков Г.Б.* Новая революция в военном деле и реформирование вооружённых сил США // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 10. С. 25–26.
8. Красная звезда. 11.02.2009.
9. Новый этап развития международных отношений / Научный руководитель проекта С.М. Рогов. Часть I. М.: ИСКРАН, 2008. С. 7.
10. О революции в военном деле см. *Рогов С.М.* Векторы безопасности 2001 года // Независимое военное обозрение. 12.01.2001 (http://nvo.ng.ru/wars/2001-01-12/1_vektor.html).
11. Российская газета. 23.03.2010.
12. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 112.
13. *Тренин Д.* Войны XXI века // Отечественные записки. 2005. № 5 (25) (<http://www.strana-oz.ru/2005/5/voyny-xxi-veka>).
14. Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества (<http://sco2009.ru/docs/documents/charter.html>).
15. *Храмчихин А.* А на всё про всё – всего 85 бригад постоянной боевой готовности // НГ – ПВО. 16.10.2009 (http://nvo.ng.ru/forces/2009-10-16/1_85brigad.html).

16. *Шишков Ю.* Внешнеэкономические связи в XX в. – от упадка к глобализации // *Мировая экономика и международные отношения.* 2001. № 8. С. 15–16.
17. *Шлыков В.* Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика (http://www.mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik9_1.html); *Армия России: состояние и перспективы* / Под ред. Р.Г. Яновского, Ю.И. Дерюгина. М., 1999. С. 99.
18. *Ядерное оружие после «холодной войны»* / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 559 с.
19. *Global Trends 2030: Alternative Worlds.* Report of the National Intelligence Council. Washington. December 2012. 166 p.
20. Interview with Secretary of Defense Donald Rumsfeld with Brit Hume of Fox News Channel. December 15, 2006 (<http://www.defenselink.mil/Transcripts/Transcript.aspx?TranscriptID=3830>).
21. *Levy J.* *War in the Modern Great Power System, 1495–1975.* Lexington: The University Press of Kentucky, 1983. 224 p.
22. *New Challenges, New Tools for Defense Decisionmaking* / Edited by Stuart Johnson, Martin Libicki, and Gregory F. Treverton. RAND. 2003. 338 p.
23. *The Implementation of Network-Centric Warfare.* Department of Defense. Office of Force Transformation. Washington. January 2005. 82 p.
24. UPCD. Uppsala Conflict Data Program. Ongoing Conflict Data Program. 2011 (<http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/database>).
25. *Wohlforth W.* Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // *World Politics.* January 2009. Vol. 61. No. 1. P. 28-57.